

эротически роман серия

ЖЁСТКИЙ СЕКС

2 БДСМ

БДСМ

ЮРИЙ БУРЕВЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Буреве

Жёсткий секс. БДСМ 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73121828

SelfPub; 2026

Аннотация

Погрузитесь в тёмный и опасный мир власти, страсти и предательства, где каждый шаг может стать последним. Во второй части серии о БДСМ-клубе Наташа, холодная и безжалостная хозяйка империи наслаждений, сталкивается с угрозами, которые могут разрушить всё, что она строила годами.

Сделки с криминалом, бунт в тайном реалити-шоу и предательство самых близких людей заставляют её балансировать на грани. В этом мире, где унижение и желание сплетаются в тугой узел, каждый взгляд, каждый вздох пропитан жаром и опасностью.

Сможет ли Наташа удержать контроль, или её жажда власти станет её гибелью? Читайте до последней страницы, чтобы узнать, кто выживет в этой игре, где ставка – не только тело, но и душа.

Содержание

Глава 1: Новый порядок	4
Глава 2: Тени прошлого	15
Глава 3: Расширение империи	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Буреве

Жёсткий секс. БДСМ 2

Глава 1: Новый порядок

Коридор, ведущий к святой святых клуба «Эдем», всегда казался Наташе путём на эшафот. Раньше. Сегодня же ворсовый ковер, глушивший шаги, ощущался под ногами как красная дорожка, пропитанная не славой, а чужими грехами. Снизу, с танцпола, доносились глухие удары басов – ритмичное сердцебиение зверя, которого она собиралась приручить. Или убить.

Дверь офиса Максима открылась с тихим скрипом, и Наташа вошла, держа в руках тонкую папку, будто это был не просто набор бумаг, а оружие, способное сломать судьбу. Она остановилась у порога, её каблучки звонко стукнули по деревянному полу, и в этом звуке было что-то окончательное, как удар молота на суде.

Воздух в кабинете был тягучим, пропитанным запахом дорогого табака, выдержанного виски и мужского парфюма с нотками сандала – запахом, который раньше вызывал у неё дрожь в коленях, смесь страха и возбуждения. Теперь он вызывал лишь холодную, расчетливую ненависть. Максим сидел за своим массивным столом из красного дерева, похо-

жим на крепостную стену. Его широкие плечи были напряжены, взгляд устремлён в экран ноутбука, но пальцы, сжимающие ручку, выдали его беспокойство – они слегка дрожали, и побелевшие костяшки говорили о том, что он на пределе.

– Ты опоздала, – бросил он, не поднимая глаз. Голос был низким, с хрипотцой, как всегда, когда он пытался скрыть раздражение. Но Наташа знала, что за этой маской уверенности кроется трещина, и сегодня она собиралась её расширить до пропасти. Он привык, что она приходит по первому щелчку пальцев, готовая раздвинуть ноги или принести кофе – в зависимости от того, какая у него была прихоть.

– Время теперь моё, Максим, – ответила она, и её голос, обычно мягкий, как шёлк, сейчас звенел сталью. Она сделала шаг вперёд, её бедра слегка качнулись под облегающей чёрной юбкой-карандаш, которая сидела как вторая кожа. Этот жест был не случайным. Она знала, как он смотрит на неё, даже если делает вид, что не замечает. Она чувствовала его взгляд на себе даже сквозь опущенные веки. – Ты больше не устанавливаешь правила.

Максим наконец оторвался от экрана, его тёмные, почти черные глаза встретились с её взглядом. В них мелькнула искра гнева, но за ней – что-то ещё, что-то, от чего у Наташи внутри всё сжалось. Страх? Или предвкушение? Она не могла точно сказать, но это чувство питало её, как вино, разливающееся по венам. Он выглядел уставшим, но в этой усталости была хищная грация волка, загнанного в угол.

– Что за игры, Наташа? – он откинулся на спинку кожаного кресла, скрестив руки на груди. Его белая рубашка была расстёгнута на верхнюю пуговицу, обнажая край тёмных волос на груди и загорелую кожу. Этот маленький знак небрежности казался вызовом, демонстрацией того, что он здесь хозяин. – Если ты пришла за очередной порцией адреналина или хочешь, чтобы я тебя выебал на этом столе, то я не в настроении. У меня проблемы с поставщиками, так что иди нахер.

Она улыбнулась, но улыбка не дошла до глаз. Это была улыбка палача, проверяющего остроту лезвия. Положив папку на стол, она медленно раскрыла её, позволяя тишине между ними сгуститься, как воздух перед грозой. Внутри лежали распечатки – записи его «теневых» сделок, которые он так тщательно скрывал. Даты, суммы, имена чиновников, переводы в офшоры, списки девушек, которых он «одалживал» партнерам. Доказательства, которые могли отправить его за решётку на долгие годы или, что вероятнее, заставить его партнеров закопать его живьем в лесу.

– Это не игра, Максим. Это шахматная партия, и я только что поставила тебе мат, – сказала она, постукивая пальцем по бумагам. Её ногти, покрытые тёмно-красным лаком, казались каплями крови на белом листе. – Клуб теперь мой. Весь бизнес. Ты подпишешь все документы о передаче прав собственности, или эти бумаги окажутся там, где их с радостью примут. В прокуратуре, у твоих конкурентов, у жены

депутата, с которым ты отмываешь бабки. Выбери.

Его лицо окаменело. Скулы заострились, а вены на висках вздулись. Он наклонился вперёд, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. Наташа видела, как в нём борются ярость и бессилие, и это зрелище будоражило её. Она всегда была той, кто подчинялся, кто гнулся под его волей в тёмных залах клуба, кого он брал жестко, не спрашивая разрешения, заставляя кричать не то от боли, не то от наслаждения. Но теперь роли поменялись, и этот переворот был слаще любого оргазма.

– Ты, блядь, серьезно? – прорычал он, но в его голосе не было прежней уверенности. Его взгляд метнулся к папке, пробежал по строчкам, и она увидела, как расширились его зрачки. Он понял. Он понял, что она нашла «черную бухгалтерию». – Ты не посмеешь. Ты понимаешь, с чем играешь? Это не игрушки, девочка. Тебя найдут в канаве с перерезанным горлом раньше, чем ты успеешь пикнуть.

Его взгляд метнулся к папке, а затем снова к ней, и Наташа поняла, что он уже проиграл.

Наташа почувствовала, как её дыхание становится рваным, как жар его тела проникает сквозь тонкую ткань её блузки, облегающей грудь. Под чёрным шёлком скрывался кружевной бюстгальтер, тонкие ремешки которого впивались в кожу, напоминая ей о том, что даже в момент её власти она всё ещё уязвима, всё ещё чувствует этот проклятый голод к нему. Её юбка-карандаш плотно обхватывала бёдра, а

чёрные чулки с изящной резинкой, едва видимой под краем ткани, были её тайным оружием – символом контроля, который она пыталась установить над собой и над ним. Но его слова, его близость разрывали эту броню на части, заставляя её тело гореть, а разум кричать от противоречий.

– Ты, сука, думаешь, что можешь пугать меня своими угрозами? – прошипела она, её голос был низким, почти рычащим, но в нём сквозила дрожь, которую она не могла скрыть. Её пальцы сильнее сжали его бёдра, оставляя следы на коже, и она наклонилась ещё ближе, так что её губы почти касались его шеи. Запах его кожи, смешанный с лёгким ароматом пота и одеколona, ударил ей в голову, как крепкий алкоголь, вызывая головокружение. Она ненавидела себя за это, за то, что её тело реагировало на него, даже когда её разум кричал о мести.

Максим усмехнулся, и этот звук был как нож, вонзающийся в её грудь. – О, Наташа, я не пугаю. Я обещаю, – его голос был хриплым, но в нём звучала тёмная, почти звериная уверенность. – Ты можешь связывать меня, ломать меня, но я, блядь, всегда найду способ вернуться. И когда это произойдёт, ты будешь умолять меня остановиться. Но я не остановлюсь. Ты это знаешь.

Его слова были как яд, медленно растекающийся по венам, и она почувствовала, как её кожа покрывается мурашками, как жар разливается ниже живота. Она ненавидела его за эту власть, за то, что он мог так легко задеть её, даже бу-

дучи связанным, даже будучи в её руках. Её пальцы скользнули выше, по его напряжённым мышцам, и она почувствовала, как его тело невольно отреагировало на её прикосновение. Это было её маленькой победой, но и её проклятием – потому что она сама горела от этого контакта, от этой близости, от этой борьбы, которая была больше, чем просто властью. Это было что-то личное, что-то, что разрывало её изнутри.

– Ты, мать твою, слишком много болтаешь для человека, который стоит передо мной со связанными руками, – бросила она, стараясь вернуть контроль, но её голос предательски дрогнул. Она отступила на полшага, чтобы разорвать этот опасный контакт, но её взгляд всё ещё был прикован к нему. Его рубашка, расстёгнутая на груди, обнажала кожу, блестящую от пота, а вены на шее пульсировали в такт его тяжёлому дыханию. Это зрелище было как магнит, притягивающий её, заставляющий её сердце стучать так громко, что она боялась, что он услышит.

Она провела рукой по своей шее, словно пытаясь стереть ощущение его взгляда, но это было бесполезно. Её пальцы задели тонкую бретельку бюстгалтера, и она вспомнила, как выбирала это бельё сегодня утром – чёрное, с изящным кружевом, как символ её новой силы, её новой роли. Но теперь это казалось насмешкой – потому что, несмотря на всю её власть, она всё ещё была в его сетях, всё ещё чувствовала эту тягу, этот голод, который он так мастерски разжигал в ней.

– Ты боишься, Наташа, – сказал он, его голос стал тише, но в нём была такая уверенность, что она вздрогнула. – Ты боишься, что не сможешь держать меня в узде. И знаешь что? Ты права. Потому что я, блядь, не из тех, кого можно приручить. Ты можешь затянуть этот шнур так сильно, что он разрежет мне кожу, но я всё равно вырвусь. И тогда ты пожалеешь, что вообще начала эту игру.

Его слова были как удар, и она почувствовала, как внутри что-то сжимается – смесь страха и ярости, смешанная с чем-то более тёмным, более опасным. Она шагнула к нему снова, её рука легла на его грудь, прямо над сердцем, и она почувствовала, как оно бьётся – быстро, мощно, как её собственное. Её ногти слегка впились в его кожу, оставляя тонкие красные линии, и она наклонилась так близко, что их дыхание смешалось.

– Тогда вырывайся, Максим, – прошептала она, её голос был как яд, но в нём звучала и дрожь желания. – Но помни, что каждый раз, когда ты пытаешься меня сломать, я буду ломать тебя в ответ. И я, сука, сделаю это с улыбкой.

Она оттолкнула его сильнее к стене, и звук их тел, соприкасающихся с грубой поверхностью, эхом отозвался в комнате. Её руки скользнули по его бокам, чувствуя твёрдость мышц, жар его кожи, и каждый контакт был как искра, разжигающая огонь внутри неё. Она чувствовала, как её собственное тело предаёт её, как её кожа горит от его близости, как её дыхание становится тяжёлым, почти болезнен-

ным. Под юбкой её чулки натянулись, резинка впивалась в кожу, и это лёгкое неудобство только усиливало её ощущения, напоминая ей, что она всё ещё жива, всё ещё чувствует, всё ещё хочет, несмотря на всю свою ненависть.

Максим не отводил взгляд, его глаза были как тёмные омуты, в которых она могла утонуть, если бы позволила себе. Его губы слегка приоткрылись, и она заметила, как его дыхание стало рваным, как его тело напряглось под её руками. Это была борьба, но не только физическая – это была борьба их воли, их желаний, их боли. И в этот момент она поняла, что они оба пленники – не только друг друга, но и этого тёмного, первозданного влечения, которое связывало их крепче любых шнуров.

– Ты играешь с огнём, Наташа, – прошептал он, и его голос был как лезвие, скользящее по коже. – И ты, блядь, знаешь, что я не из тех, кто просто смотрит, как его сжигают. Подойди ближе, если не боишься обжечься.

Она замерла, её руки всё ещё лежали на его теле, но её разум кричал, чтобы она отступила, чтобы она не поддавалась. Но её тело не слушало. Её пальцы скользнули ниже, по его напряжённому животу, и она почувствовала, как он вздрогнул, как его дыхание стало ещё тяжелее. Это была её власть, её контроль, но и её слабость – потому что каждый его вздох, каждый его рывок отзывался в ней волной жара, который она не могла потушить.

– Я не боюсь огня, Максим, – ответила она, её голос был

тихим, но твёрдым, хотя внутри всё дрожало. – Я сама этот огонь. И если ты хочешь сгореть, то я с радостью поднесу спичку.

Она отступила, наконец разрывая этот опасный контакт, но её тело всё ещё горело, её кожа всё ещё помнила тепло его плоти. Её взгляд скользнул по его фигуре, по его напряжённым мышцам, по красным следам от её ногтей на его коже, и она почувствовала странную смесь триумфа и боли. Она хотела сломать его, но каждый раз, когда она касалась его, она ломала и себя.

Наташа отступила, её дыхание всё ещё было тяжёлым, кожа горела от их соприкосновения. Она вытерла ладони о юбку, словно могла стереть следы его жара, но это было бесполезно. Её взгляд упал на папку, всё ещё лежащую на столе, и она напонила себе, зачем пришла. Это не только о власти, не только о мести. Это о том, чтобы выжить в мире, который он сам построил – мире, где слабость равна смерти.

– Подпиши документы, Максим, – её голос прозвучал холоднее, чем она ожидала, но это было хорошо. Ей нужно было держать дистанцию, даже если внутри всё кипело. Она развязала его запястья, но шнур оставила на столе, как напоминание. – Или я сделаю так, что твой мир рухнет быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Он потёр запястья, где шнур оставил красные полосы, и посмотрел на неё с такой смесью ненависти и чего-то более глубокого, что её кожа покрылась мурашками. – Ты играешь

в опасную игру, Наташа, – сказал он, медленно подходя к столу и беря ручку. Его движения были размеренными, как у хищника, который притворяется раненым. – Но знай, что каждый твой шаг будет под моим прицелом. Ты не сможешь спать спокойно, зная, что я дышу тебе в затылок.

Его слова были как холодный ветер, пробирающий до костей. Она смотрела, как он ставит подпись на каждом листе, как его рука слегка дрожит, но не от страха – от сдерживаемой ярости. И в этот момент она поняла, что победа, которую она так ждала, не принесла облегчения. Напротив, она чувствовала, как невидимые цепи сжимаются вокруг неё самой. "Победа – это иллюзия, пока твой враг ещё дышит", – подумала она, и эта мысль была горькой, как полынь.

Когда последний документ был подписан, Максим откинулся назад, его взгляд не отрывался от неё. – Поздравляю, Наташа. Клуб твой. Но помни, что стены, которые ты захватила, хранят мои секреты. И они шепчут громче, чем ты думаешь.

Она собрала бумаги, стараясь не показывать, как её руки слегка дрожат. Её пальцы всё ещё помнили тепло его кожи, звук их соприкосновения всё ещё эхом отдавался в ушах, но она заставила себя выпрямиться. – Пусть шепчут, – ответила она, поворачиваясь к двери. – Я научилась заглушать шум. А теперь этот шум – твоя новая реальность.

Она вышла из офиса, не обернувшись, но чувствовала его взгляд на своей спине, как ожог. Дверь за ней закрылась с

тихим щелчком, но этот звук был громче любого крика. Наташа знала, что это только начало. Она захватила клуб, захватила власть, но вместе с этим она захватила и врага, который не сдастся, пока один из них не упадёт. И в глубине души она боялась, что этот падший может оказаться ею.

Её шаги эхом отдавались в пустом коридоре, ведущем к залу клуба, который теперь принадлежал ей. Она остановилась у зеркала, висящего на стене, и посмотрела на своё отражение. Глаза, которые смотрели на неё, были холодными, но за этой холодностью скрывалась буря. Она провела пальцем по губам, всё ещё чувствуя призрак его дыхания, и прошептала себе: "Если власть – это клетка, то я сама заперла себя внутри. Но я найду ключ, даже если он будет выкован из боли".

Эти слова, произнесённые в тишине, стали её обетом. Она не знала, сколько битв ей предстоит, но одно было ясно – каждая из них оставит след, каждый шрам будет напоминать о том, что она больше не жертва. Но в этот момент, стоя перед зеркалом, Наташа не могла избавиться от мысли, что цена этой свободы может оказаться выше, чем она готова заплатить.

Она повернулась и пошла дальше, её каблуки стучали по полу, как метроном, отсчитывающий время до следующего столкновения. Клуб ждал её, его тёмные залы, его тайны, его грехи. И она знала, что теперь это её царство – царство, которое может стать как её триумфом, так и её могилой.

Глава 2: Тени прошлого

Летний парк был пропитан запахом свежескошенной травы и лёгкой сладостью цветущих лип. Солнце пробивалось сквозь густую листву, бросая золотистые пятна на асфальтовые дорожки, где Надежда брела, стараясь не замечать, как её сердце стучит быстрее обычного. Она ушла из клуба три месяца назад, поклявшись себе, что больше не вернётся в тот мир теней и боли, смешанной с наслаждением. Но каждый шаг в этом парке, каждый шорох листьев напоминал ей о ночах, когда её кожа горела от прикосновений, а душа рвалась между желанием и стыдом.

Она остановилась у старой скамейки, выкрашенной в облупившуюся зелёную краску, и провела пальцами по её шершавой поверхности. Её тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, выбивались прядями, липли к шее от лёгкой испарины. Лето было жарким, но жар внутри неё не имел ничего общего с погодой. Надежда пыталась вытравить воспоминания, но они цеплялись за неё, как паутина, липкая и невидимая.

– Надя, ты ли это? – голос, хриплый и знакомый, заставил её вздрогнуть. Она обернулась и увидела Игоря, стоящего в нескольких шагах. Его фигура, высокая и худощавая, казалась вырезанной из тени деревьев. Он был в лёгкой льняной рубашке, расстёгнутой на две пуговицы, и джинсах, ко-

торые сидели на нём так, будто были скроены по его телу. Его взгляд, тёмный и пронизательный, скользнул по ней, и она почувствовала, как её кожа покрывается мурашками.

– Игорь, – она выпрямилась, стараясь казаться спокойной, но её голос выдал лёгкую дрожь. – Что ты тут делаешь?

Он шагнул ближе, его походка была расслабленной, но в ней чувствовалась напряжённость, как у человека, который всегда готов к бегству. – Гуляю. А ты? Прячешься от прошлого? – его губы изогнулись в полуулыбке, но глаза остались холодными, изучающими.

Надежда сжала кулаки, её ногти впились в ладони. Она ненавидела, как он умел читать её, как одним взглядом мог вытащить на поверхность всё, что она пыталась зарыть поглубже. – Я не прячусь. Я живу. Чего нельзя сказать о тебе, если ты всё ещё крутишься вокруг того места.

Игорь хмыкнул, опираясь на спинку скамейки. Его пальцы, длинные и нервные, постукивали по дереву, выдавая беспокойство, которое он старался скрыть. Его взгляд снова скользнул по ней, задержавшись на её тонкой майке, которая прилипла к телу от жары, обрисовывая изгибы груди. Под тканью угадывались очертания светлого кружевного бюстгальтера, простого, но с изящными узорами, который она выбрала утром, не думая о встречах вроде этой, но теперь он казался её слабостью, её уязвимостью. Она чувствовала, как пот стекает по спине, как её кожа горит под его взглядом, и это ощущение было слишком знакомым, слишком опасным.

– Ты, шлюха, думаешь, что можешь просто уйти и всё забыть? – его голос стал ниже, грубее, в нём звучала смесь насмешки и чего-то более тёмного, почти болезненного. Он шагнул ещё ближе, и теперь она могла разглядеть тени под его глазами, как будто он не спал ночами, как будто тот самый клуб держал его в своих когтях не меньше, чем её воспоминания. – Надя, ты ведь знаешь, что это место – не просто здание. Это, сука, как чёрная дыра. Оно затягивает, и ты либо сражаешься, либо сдаёшься. А ты не из тех, кто сдаётся.

Его слова были как удар, острый и точный, и она почувствовала, как внутри всё сжимается, как жар разливается по телу, смешиваясь со страхом и гневом. Её шорты, короткие, из лёгкого денима, слегка задрались, когда она невольно напрягла бёдра, и тонкие ремешки её белья, едва заметные под тканью, вдруг стали казаться слишком открытыми, слишком уязвимыми под его взглядом. Она ненавидела, как её тело реагировало на его близость, как её дыхание участилось, как её сердце стучало так громко, что она боялась, что он услышит.

– Ты, мать твою, не знаешь, о чём говоришь, – огрызнулась она, её голос был резким, но в нём звучала неуверенность. Она отступила на шаг, но её спина упёрлась в скамейку, и это чувство ловушки только усилило жар внутри. – Я не вернусь туда. Я не хочу снова чувствовать этот, блядь, ад на своей коже. Ты хоть понимаешь, как это ломает? Как это разрывает тебя изнутри?

Игорь наклонился ближе, его лицо оказалось так близко, что она почувствовала тепло его дыхания на своей щеке. Его глаза, тёмные, почти чёрные в тени деревьев, были как зеркала, в которых она видела своё отражение – испуганное, но голодное, жаждущее чего-то, что она пыталась забыть. – О, я понимаю, Надя. Я, сука, чувствую это каждый гребаный день, – прошептал он, и его голос был хриплым, почти сломленным. – Но ты не можешь убежать от того, что уже в тебе. Этот клуб, эти ночи, эти крики – они в твоей крови. И ты можешь сколько угодно притворяться, что свободна, но ты всё ещё в цепях. Как и я.

Его слова врезались в неё, как осколки стекла, и она почувствовала, как её кожа покрывается мурашками, как её тело напрягается, вспоминая тёмные залы клуба, запах кожи и пота, шорох цепей, которые сжимали её запястья. Она вспомнила, как её кожа горела от прикосновений, как её дыхание срывалось, как её разум кричал "нет", а тело шептало "ещё". И теперь, стоя здесь, в этом парке, под золотыми пятнами солнца, она чувствовала, как этот жар возвращается, как он разливается по её венам, как её грудь поднимается и опускается под тонкой тканью майки, обтягивающей её, как вторая кожа.

– Ты, блядь, не имеешь права говорить мне, что делать, – прошипела она, но её голос дрогнул, и она ненавидела себя за это. Её пальцы сжали край скамейки, шершавое дерево впилося в кожу, но это не помогло унять дрожь. Она чув-

ствовала, как её бёдра напрягаются, как её тело помнит его прикосновения, хотя он даже не коснулся её сегодня. И это было хуже всего – память тела, которая не поддавалась контролю разума.

Игорь выпрямился, но его взгляд не отпустил её. Он провёл рукой по своим волосам, и этот жест был таким знакомым, таким болезненно родным, что у неё сжалось сердце. – Я не говорю тебе, что делать, Надя. Я говорю тебе, что ты не сможешь жить, пока не посмотришь этому в лицо. Вернись туда. Убедись, что Наташа действительно изменила всё. Или, блядь, продолжай бегать, но знай, что это не спасёт тебя, – его голос стал тише, но в нём звучала угроза, смешанная с чем-то, что было слишком близко к боли. – Ты всё ещё чувствуешь это, правда? Этот голод. Этот жар. Я вижу это в твоих глазах.

Она замерла, её дыхание стало тяжёлым, а кожа под майкой горела, как будто его слова сами по себе касались её. Её взгляд скользнул по его фигуре, по его напряжённым плечам, по линии талии, где рубашка слегка задралась, обнажая полоску кожи. И она ненавидела себя за то, что заметила это, за то, что её тело отреагировало, за то, что её мысли снова унеслись в тёмные залы клуба, которые она так отчаянно пыталась забыть.

– Пойдём, – внезапно сказал он, его голос был резким, но в нём звучала странная настойчивость. – Я покажу тебе, что осталось от того места. Не внутрь, просто снаружи. Ты

должна увидеть, как оно изменилось.

Надежда покачала головой, но её движения были неуверенными. Она знала, что не должна соглашаться, что каждый шаг к тому месту – это шаг назад, в пропасть. Но его взгляд, его голос, его близость – всё это тянуло её, как магнит, и она чувствовала, как её воля трещит по швам. – Нет, Игорь. Я не могу. Не хочу, – её голос был слабым, почти умоляющим, но она не отвела взгляд.

Он шагнул ещё ближе, и теперь их тела почти соприкасались. Она чувствовала жар, исходящий от него, и это было как воспоминание, которое она не могла стереть. Её кожа под майкой покрылась мурашками, а тонкие бретельки её белья, простого, но такого уязвимого, казались теперь её слабостью, её напоминанием о том, что она всё ещё не свободна. – Ты можешь, Надя. Ты сильнее, чем думаешь. Просто один взгляд. И если ты всё ещё захочешь уйти, я не стану держать, – его голос был мягким, но в нём звучала сталь, и она знала, что он не отступит.

Её сердце стучало так громко, что она боялась, что он услышит. Она представила клуб, его стены, пропитанные тайнами, его залы, где каждый угол хранил отголоски её криков и стонов. И в её голове всплыл образ Наташи, её изящной фигуры в чёрном шёлке, её холодного взгляда, полного власти. Этот образ зажёг в ней что-то тёмное, что-то, что она пыталась заглушить, но что всё ещё жило в ней, пульсируя в такт её сердцебиению.

– Хорошо, – наконец прошептала она, её голос был едва слышен, но в нём звучала решимость, смешанная со страхом. – Только снаружи. Но если я скажу "нет", ты, блядь, отстанешь от меня раз и навсегда.

Игорь кивнул, но в его глазах мелькнула искра триумфа, и это пугало её больше, чем его слова. Они пошли по дорожке парка, и каждый шаг отдавался в её груди, как удар молота. Она чувствовала, как её тело напрягается, как её кожа горит от воспоминаний, как её разум кричит, чтобы она остановилась. Но она не остановилась. Потому что, может быть, он был прав. Может быть, прошлое действительно не отпускает, пока ты не согласишься ему в лицо.

Они вышли из парка и направились к окраине города, где клуб прятался среди старых зданий, как некий артефакт из мира, которого не должно существовать. В стиле Стругацких, это место казалось аномалией, вырванной из реальности: его стены, покрытые облупившейся краской, хранили в себе следы времени, но будто не подчинялись его законам.

Окна, узкие и мутные, как глаза древнего существа, смотрели на мир с холодной отстранённостью, а тяжёлые железные двери, покрытые ржавчиной, казались порталом в иное измерение, где правила обычного мира растворялись в тени. Воздух вокруг здания был тяжёлым, почти осязаемым, как будто само пространство знало, какие тайны хранятся внутри, и молчало, скованное невидимыми цепями. Надежда остановилась в нескольких метрах от входа, её дыхание

стало тяжёлым, а кожа покрылась холодным потом. Она чувствовала, как это место зовёт её, как оно шепчет ей имена, которые она пыталась забыть.

– Видишь? – сказал Игорь, его голос был тихим, но в нём звучала странная напряжённость. Он указал на вывеску, которая теперь была другой – чёрные буквы на красном фоне, резкие, как порез. – Наташа не просто взяла клуб. Она переписала его. Но стены, Надя, стены всё помнят. Они шепчут о тебе. Ты слышишь?

Она сжала кулаки, её ногти впились в ладони, и она почувствовала, как её тело дрожит, как её разум борется с желанием шагнуть ближе. Её майка прилипла к телу, а под ней её бельё, светлое, с тонкими кружевами, казалось теперь её слабостью, её уязвимостью, как будто даже ткань могла выдать её прошлое. – Я ничего не слышу, – солгала она, но её голос дрогнул, и она знала, что он это заметил. – И я не хочу слышать. Пойдём отсюда.

Игорь посмотрел на неё, и в его взгляде было что-то, что она не могла понять – смесь жалости, желания и боли. – Как хочешь, – сказал он, но его голос был тяжёлым, как будто он знал, что это не конец. – Но помни, Надя, ты не можешь убежать от того, что уже в тебе. Это место, эти тени – они твоя часть. И они будут звать тебя, пока ты не ответишь.

Она отвернулась, её шаги были быстрыми, почти бегом, но она чувствовала его взгляд на своей спине, как ожог. И она знала, что он прав. Она знала, что клуб, его стены, его

тени – всё это всё ещё в ней, как яд, который медленно разъедает её изнутри. И она боялась, что однажды этот яд станет слишком сильным, чтобы сопротивляться.

Игорь хмыкнул, опираясь на спинку скамейки. Его пальцы, длинные и нервные, постукивали по дереву, выдавая беспокойство, которое он старался скрыть. – Клуб теперь другой, Надя. Ты слышала? Наташа взяла всё в свои руки. Максим больше не король на этом шахматном поле.

Её сердце пропустило удар. Наташа? Та самая Наташа, которая когда-то была такой же новичком, как и она, дрожащей под взглядом Максима? Надежда вспомнила её глаза, полные любопытства и страха, её изящную талию, обтянутую корсетом в первую ночь в клубе, и как её упругие бедра дрожали от напряжения, когда она впервые подчинилась правилам. Неужели эта хрупкая девушка смогла сломать такого, как Максим?

– Не верю, – бросила она, отводя взгляд. Но её голос был слабым, а мысли уже закружились, как листья на ветру. Она представила Наташу, стоящую у руля, её стройную фигуру в чёрной коже, пот, стекающий по её шее от жара власти. И эта картина зажгла в ней что-то тёмное, что она пыталась заглушить.

– Верь или не верь, но это правда, – Игорь шагнул ещё ближе, и теперь она чувствовала запах его одеколona, терпкий, с нотами древесины. Его рубашка слегка прилипла к груди, обнажая контуры мышц, и Надежда поймала себя на

том, что её взгляд задержался на этом дольше, чем следовало. – Она изменила всё. И, знаешь, я думаю, тебе стоит вернуться. Разобраться. Ты ведь не из тех, кто убегает навсегда.

Его слова были как удар, острый и точный. Надежда почувствовала, как жар поднимается к щекам, как её тело напрягается, вспоминая тёмные залы, шорох цепей, громкие вдохи и крики, разрывающие тишину. Она покачала головой, но её движения были неуверенными. – Нет, Игорь. Я закончила с этим. Мой ад остался позади.

– Ад не отпускает так просто, – прошептал он, наклоняясь к ней так, что их лица оказались на расстоянии дыхания. Его глаза сверкнули, и в них было что-то голодное, почти дикое. – Ты можешь бежать, но он догонит. И, может, тебе стоит встретить его лицом к лицу.

Её дыхание участилось, грудь поднималась и опускалась под тонкой майкой, липнущей к телу от жары. Она чувствовала, как пот скатывается по её спине, как её упругие бёдра напрягаются, словно готовясь к прыжку – бежать или броситься в пропасть, она не знала. Игорь протянул руку, его пальцы коснулись её запястья, и это прикосновение было как искра, от которой внутри всё вспыхнуло. Она отдернула руку, но жар остался, пульсируя под кожей.

– Не трогай меня, – её голос был резким, но в нём звучала не только злость, но и страх. Страх того, что она не сможет устоять, что её тело, привыкшее к боли и наслаждению, предаст её разум. – Я не вернусь. Никогда.

Игорь отступил, но его взгляд не отпустил её. – Как знаешь, Надя. Но помни: "Прошлое – это тень, которая всегда длиннее, чем ты думаешь". Оно найдёт тебя, хочешь ты этого или нет.

Он повернулся и пошёл прочь, его фигура растворилась среди деревьев, а Надежда осталась стоять, чувствуя, как её сердце колотится, как воспоминания, которые она пыталась похоронить, поднимаются из глубины, как тёмная вода. Она закрыла глаза, и перед ней всплыли образы – её собственная кожа, блестящая от пота, изгибы её талии, напряжённые мышцы, когда она извивалась под чьей-то властью, громкие вдохи, переходящие в крики, которые эхом отдавались в её ушах. Она сжала кулаки, пытаясь отогнать эти видения, но они были сильнее.

В это время Игорь, выйдя из парка, направился к заброшенному кафе на окраине города. Его шаги были быстрыми, почти нервными, а мысли крутились вокруг встречи с Надеждой. Он всё ещё чувствовал тепло её кожи под пальцами, видел, как её грудь вздымалась от учащённого дыхания, как пот стекал по её шее, оставляя блестящие дорожки. Это зрелище будоражило его, но за этим желанием скрывалась тревога. Он знал, что его ждёт встреча, от которой зависело слишком многое.

Кафе было пустым, если не считать одинокого мужчины, сидящего за угловым столиком. Дмитрий был широкоплечим, с лицом, будто высеченным из камня – резкие скулы,

тяжёлый взгляд, который мог пробить насквозь. Его руки, покрытые старыми шрамами, лежали на столе, как оружие, готовое к бою. Игорь почувствовал, как его горло сжалось, но заставил себя подойти.

– Ты опоздал, – голос Дмитрия был низким, как гул далёкого грома. Он не смотрел на Игоря, но тот чувствовал, как его взгляд давит, даже не касаясь.

– Я был занят, – Игорь сел напротив, стараясь держаться уверенно, но его пальцы нервно теребили край салфетки. – Что тебе нужно?

Дмитрий наконец поднял глаза, и в них не было ни намёка на тепло. – Мне нужно, чтобы ты вернулся в клуб. Наташа теперь у руля, и я хочу знать всё. Каждый её шаг, каждую сделку. Ты будешь моими глазами и ушами.

Игорь сглотнул, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Он знал, что отказ равен смерти, но мысль о том, чтобы предать Наташу, была как нож, вонзающийся в грудь. Он вспомнил её, её стройную фигуру, как её кожа блестела в полумраке клуба, как её упругие бёдра двигались с грацией хищницы, как пот стекал по её изящной талии, когда она брала верх в игре власти. Под её чёрной шёлковой блузкой угадывались тонкие бретельки кружевного бюстгалтера, тёмного, почти сливающегося с тканью, но с изящными узорами, которые подчёркивали её властность и уязвимость одновременно. Эти воспоминания были как яд, сладкий и смертельный, и он не мог их отогнать. Её образ вызывал

в нём жар, который разливался по телу, смешиваясь с чувством вины и страха, как будто каждый её взгляд, каждый её вздох всё ещё держал его в своих цепях.

– Ты, дырка, серьёзно думаешь, что я стану твоей шавкой? – выдавил Игорь, его голос был хриплым, почти рычащим, но в нём звучала неуверенность. Он наклонился вперёд, его руки сжались в кулаки на столе, кожа на костяшках побелела от напряжения. – Наташа не дура, она заметит, если я начну копать. И, мать твою, я не хочу, чтобы меня размазали по стенам за твои гребаные игры.

Дмитрий усмехнулся, но в его улыбке не было ничего человеческого – холодная, острая, как лезвие, она резала воздух между ними. – Ты, сука, не в том положении, чтобы выбирать, Игорь. Или ты со мной, или ты против меня. А против меня – это билет в один конец, – его голос был низким, угрожающим, как далёкий рокот надвигающейся бури. Он откинулся назад, его массивные плечи напряглись под тканью чёрной рубашки, и Игорь почувствовал, как воздух в кафе становится тяжёлым, почти осязаемым, как будто само помещение знало, о чём идёт речь.

Кафе, в стиле Стругацких, казалось вырванным из реальности, как артефакт из Зоны. Стены, покрытые облупившейся краской цвета старой крови, хранили в себе следы времени, но будто не подчинялись его законам. Потолок, низкий и давящий, был испещрён трещинами, через которые пробивались тонкие лучи света, создавая странные, почти живые

тени на полу. Старые столы и стулья, расставленные без всякого порядка, казались обломками прошлого, которые кто-то забыл убрать, а воздух был пропитан запахом сырости и чего-то неуловимо тревожного, как будто само место знало, какие сделки здесь заключаются, и молчало, скованное невидимыми законами. Узкие окна, мутные, как глаза слепца, смотрели на мир с холодной отстранённостью, а скрип половиц под ногами звучал как шёпот, предупреждающий о том, что каждый шаг здесь может стать последним.

Игорь почувствовал, как его сердце стучит быстрее, как его кожа становится влажной от напряжения, как воспоминания о Наташе смешиваются с этим давящим страхом. Он представил её снова, её фигуру в тёмном зале клуба, её кожу, блестящую от пота, её изящные изгибы, обтянутые тонкой тканью, её чёрные чулки с резинкой, которая слегка впивалась в кожу, подчёркивая её силу и хрупкость. Этот образ вызывал в нём волну жара, который он не мог потушить, но за этим желанием скрывалась боль – боль от того, что он мог стать причиной её падения.

– Ты не понимаешь, что просишь, – прошептал он, его голос был почти сломленным, но в нём звучала ярость. – Наташа доверяет мне. Если я, блядь, предам её, это будет не просто сделка. Это будет, мать твою, конец всего. Ты хоть понимаешь, что она для меня значит? Ты видел, как она держит этот клуб, как её кожа горит от власти, как её дыхание срывается, когда она берёт верх? Я не могу просто так взять

и выдать её.

Дмитрий наклонился ближе, его глаза сузились, как у хищника, готового к прыжку. Его дыхание было тяжёлым, почти угрожающим, и Игорь почувствовал, как холод пробегает по спине. – Твои чувства – это твоя слабость, Игорь. А слабость в этом мире равна смерти. Ты можешь любить её, ненавидеть, трахать её в своих снах, мне плевать. Но ты сделаешь то, что я говорю, или я, сука, сделаю так, что ты пожалеешь, что вообще родился, – его слова были как удары, каждый из них врезался в сознание Игоря, оставляя след.

Игорь сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, но боль была ничем по сравнению с тем, что творилось внутри. Он представил Наташу, её тело, блестящее от пота, её изгибы, обтянутые тонкой тканью, её движения, полные силы и грации, как их тела могли бы снова соприкоснуться в жарком ритме, с влажным звуком ударов кожи о кожу, с громкими вдохами, переходящими в крики. Эти воспоминания были его слабостью, но и его силой. Он не мог её предать, но и не мог пойти против Дмитрия. Его сердце стучало так громко, что он боялся, что Дмитрий услышит, а кожа на шее стала влажной от напряжения, как будто само помещение сжимало его в своих невидимых тисках.

– Я, блядь, сделаю это, – наконец выдавил он, его голос был хриплым, полным внутренней борьбы. – Но не думай, что я стану твоей пешкой. Я найду способ, чтобы не утопить её. И если ты, сука, решишь сыграть грязно, я не останусь

в долгу.

Дмитрий откинулся назад, его взгляд стал чуть мягче, но в нём всё ещё была холодная сталь. – Хорошо. Но помни, что каждый твой шаг будет под прицелом. Наташа может быть твоей слабостью, но я – твоя смерть, если ты оступишься, – он замолчал, позволяя словам осесть в воздухе, как тяжёлый туман. – И не забывай, что стены клуба видят всё. Они шепчут громче, чем ты думаешь. Так что держи свои чувства на замке, пока они не задушили тебя.

Игорь кивнул, но внутри всё кипело. Он знал, что идёт по тонкому льду, и каждый шаг мог стать последним. Но мысль о Наташе, о её теле, блестящем от пота, о её изящных изгибах, о том, как её кожа горела под его взглядом, давала ему странную надежду. Может, он сможет найти выход, балансируя между двумя огнями, между этим холодным кафе, пропитанным угрозами, и тёмными залами клуба, где его сердце всё ещё было пленником.

Игорь сглотнул, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Он знал, что отказ равен смерти, но мысль о том, чтобы предать Наташу, была как нож, вонзающийся в грудь. Он вспомнил её, её стройную фигуру, как её кожа блестела в полумраке клуба, как её упругие бёдра двигались с грацией хищницы, как пот стекал по её изящной талии, когда она брала верх в игре власти. Эти воспоминания были как яд, сладкий и смертельный, и он не мог их отогнать.

– А если я откажусь? – его голос был тихим, почти шёпо-

том, но Дмитрий услышал.

Усмешка, холодная и острая, как лезвие, тронула губы мужчины. – Тогда ты станешь бесполезным. А бесполезные вещи я выбрасываю. Ты ведь не хочешь, чтобы твои кости нашли в каком-нибудь переулке?

Игорь сжал кулаки под столом, его мышцы напряглись, кожа на руках стала влажной от напряжения. Он представил, как его тело, обнажённое и уязвимое, прижимается к чьей-то коже, как их движения сливаются в ритме, как хлюпающий звук их соприкосновения, влажный и горячий, заполняет тишину, как громкие крики разрывают воздух, смешиваясь с тяжёлыми вдохами. Это воспоминание о Наташе, о ночах в клубе, было его слабостью, но и его силой. Он не мог её предать, но и не мог пойти против Дмитрия.

– Я сделаю, что ты хочешь, – наконец выдавил он, но его голос был хриплым, полным внутренней борьбы. – Но не жди, что я буду твоей собакой. У меня есть свои границы.

Дмитрий наклонился ближе, его дыхание было тяжёлым, почти угрожающим. – Границы – это роскошь, Игорь. А ты не в том положении, чтобы её себе позволять. Помни: "Доверие – это верёвка, на которой тебя могут повесить". Не дай мне повод затянуть узел.

Эти слова врезались в сознание Игоря, как шипы. Он кивнул, но внутри всё кипело. Он знал, что идёт по тонкому льду, и каждый шаг мог стать последним. Но мысль о Наташе, о её теле, блестящем от пота, о её изящных изгибах, о

том, как их тела могли бы снова соприкоснуться в жарком ритме, с влажным звуком ударов кожи о кожу, с громкими вдохами, переходящими в крики, давала ему странную надежду. Может, он сможет найти выход, балансируя между двумя огнями.

Надежда, всё ещё стоя у скамейки в парке, не знала о сделке, которая только что была заключена. Но её собственная борьба была не менее острой. Она села на скамью, её руки дрожали, а кожа была влажной от жары и внутренних терзаний. Её взгляд упал на свои бёдра, напряжённые под тонкой тканью шорт, на изгибы талии, которые она когда-то выставляла напоказ в клубе, и она почувствовала, как воспоминания накрывают её, как волна. Пот стекал по её шее, оставляя солёный след, и она знала, что это не просто жара лета. Это был жар её прошлого, который не отпускал.

– Я не вернусь, – прошептала она себе, но её голос был слабым, почти умоляющим. Она закрыла глаза, и перед ней снова всплыл образ Наташи, её властная фигура, её кожа, блестящая от пота, её движения, полные силы и грации. И в этот момент Надежда поняла, что её прошлое не просто тень. Оно – часть её, живая и пульсирующая, и, возможно, Игорь был прав. Возможно, ей придётся встретить его лицом к лицу, даже если это сожжёт её дотла.

Глава 3: Расширение империи

Наташа стояла у широкого окна нового клуба, который раскинулся в сердце соседнего города. Стекло отражало её силуэт – чёрное платье, облегающее каждый изгиб, длинные волосы, струящиеся по плечам, как тёмный водопад. Но её взгляд был устремлён не на отражение, а на зал внизу, где рабочие заканчивали установку оборудования. Тёмные стены, красные бархатные занавеси, стальные кольца, вделанные в потолок для подвесов, – всё это было её новой территорией, её империей, которую она строила с холодной расчётливостью. Но под этой холодностью тлел огонь сомнений. Она знала, что каждый шаг вперёд – это шаг по краю пропасти.

Дверь за её спиной открылась с лёгким скрипом, и вошла Елена. Её присутствие было как удар тока – резкое, почти осязаемое. Высокая, с идеальной осанкой, она двигалась с грацией пантеры, её шаги были бесшумными, но полными силы. Её светлые волосы были собраны в тугий пучок, открывая длинную шею, а тёмно-зелёное платье подчёркивало изящную талию и упругие бёдра, которые казались выточенными из мрамора. Но холод в её глазах, серых, как зимнее небо, выдавал, что за этой красотой скрывается нечто опасное.

– Всё готово к открытию, – её голос был низким, с лёгкой хрипотцой, как будто она всегда говорила шёпотом, но этот

шёпот мог перекрыть любой крик. – Зал проверен, персонал проинструктирован. Мы можем начинать хоть завтра.

Наташа повернулась, её взгляд скользнул по Елене, изучая каждый жест, каждую деталь. Она выбрала её не случайно – Елена была известна в кругах БДСМ как женщина, которая могла подчинить любого одним взглядом, но её репутация была омрачена слухами о предательстве. Наташа знала, что рискует, доверяя ей филиал, но риск был частью игры, а она любила играть на грани.

– Хорошо, – Наташа шагнула ближе, её каблуки звонко стукнули по мраморному полу. Она остановилась в шаге от Елены, чувствуя лёгкий аромат её духов, терпкий, с нотами мускуса. – Но я не верю в слова. Я верю в действия. Ты готова доказать, что достойна этого места?

Елена слегка прищурилась, её губы изогнулись в едва заметной улыбке, но в этой улыбке не было тепла. – Что ты имеешь в виду? – спросила она, скрестив руки на груди. Этот жест подчеркнул её фигуру, натянув ткань платья на плечах, и Наташа заметила, как её кожа слегка блестела от напряжения, как мышцы под ней играли, готовые к любому вызову.

– Я имею в виду, что власть не даётся просто так, – Наташа наклонилась к небольшому столику у стены, где лежал набор инструментов, оставленных для демонстрации. Её пальцы скользнули по чёрной кожаной плети, гладкой и прохладной на ощупь, и она почувствовала, как её сердце забилося быстрее. Это не просто проверка. Это был ритуал, способ

установить иерархию, показать, кто здесь главный. Её взгляд вернулся к Елене, и она заметила, как та напряглась, как её грудь поднимается и опускается под тканью платья, как тонкие бретельки её белья, едва заметные под зелёным шёлком, подчёркивают её уязвимость, несмотря на всю её холодную уверенность. – Ты будешь подчиняться, Елена. Или я, блядь, найду кого-то другого, кто не станет выёбываться.

Елена не дрогнула, но её взгляд стал острее, как лезвие, готовое разрезать. – Я не из тех, кто легко гнётся, Наташа, – сказала она, и её голос был полон вызова, с лёгкой хрипотцой, выдающей внутреннее напряжение. – Но если ты хочешь играть, я, сука, готова. Только не жалуйся, если игра станет слишком жёсткой. Я не из тех, кто ломается под первым ударом.

Эти слова повисли в воздухе, как тяжёлый дым, и Наташа почувствовала, как внутри всё сжалось – не от страха, а от предвкушения. Она знала, что Елена не просто подчинённая. Она была соперницей, скрытой угрозой, и это только разжигало её. Её кожа под чёрным платьем покрылась мурашками, а жар, поднимающийся от шеи к щекам, был почти болезненным. Она представила, как их противостояние могло бы выйти за рамки слов, как их тела могли бы соприкоснуться в борьбе за власть, как пот стекал бы по их коже, оставляя блестящие следы, как их дыхание срывалось бы в ритме напряжённого танца. Этот образ зажёг в ней огонь, который она с трудом сдерживала.

– Раздевайся, – приказала она, её голос был твёрдым, но в нём звучала нотка, которую она сама не могла контролировать – голод. Её пальцы сжали плоть чуть сильнее, и она почувствовала, как её собственное тело напрягается, как её грудь поднимается под тканью платья, как её кожа горит от предвкушения.

Елена не отвела взгляд, её пальцы медленно потянулись к молнии на спине платья. Ткань с тихим шорохом сползла с её плеч, обнажая кожу, бледную, как лунный свет, с лёгким румянцем от жара комнаты. Платье упало к её ногам, и Наташа невольно задержала дыхание, рассматривая её фигуру. Её талия была тонкой, почти хрупкой на вид, но под кожей чувствовалась сила, мышцы живота напрягались с каждым вдохом. Упругие бёдра, гладкие и твёрдые, слегка дрожали от напряжения, а по шее и плечам стекали тонкие струйки пота, оставляя блестящие следы, которые ловили свет ламп. Под платьем оказалось тёмное кружевное бельё, почти чёрное, с тонкими узорами, которые подчёркивали её изгибы, делая её одновременно уязвимой и опасной. Бретельки бюстгалтера слегка впивались в кожу, оставляя едва заметные следы, и этот контраст между силой и хрупкостью вызвал в Наташе волну жара, который она не могла игнорировать.

– Достаточно? – Елена подняла бровь, её голос был насмешливым, но в нём звучала и лёгкая хрипота, выдающая, что она не так спокойна, как хочет казаться. Она стояла, не пытаясь прикрыться, её грудь поднималась и опускалась в

ритме тяжёлого дыхания, кожа блестела, как будто покрытая росой. Её взгляд был вызовом, острым и холодным, но под ним скрывалась искра – что-то, что говорило о том, что она тоже чувствует этот жар, эту напряжённость, которая сгустилась между ними, как электрический разряд.

– Пока да, – Наташа шагнула ближе, её каблуки снова стукнули по мрамору, и она почувствовала, как её собственное тело реагирует на близость Елены, как её кожа под платьем становится влажной от жары, как её дыхание учащается. Она остановилась в полушаге, так близко, что могла чувствовать тепло, исходящее от Елены, и этот жар смешивался с её собственным, создавая почти осязаемое напряжение. – Но это только начало. Ты должна понять, что здесь я, блядь, устанавливаю правила. И если ты думаешь, что можешь играть со мной на равных, то ты, сука, ошибаешься. Я сломаю тебя, если придётся.

Елена усмехнулась, её губы изогнулись в холодной, почти хищной улыбке. – Попробуй, Наташа. Но помни, я не из тех, кто падает на колени без боя. И, может, это ты, мать твою, будешь просить пощады, когда всё закончится, – её голос был низким, почти шёпотом, но в нём звучала угроза, смешанная с чем-то, что Наташа не могла точно определить – желанием, вызовом или болью. Её кожа блестела от пота, и тонкие бретельки её белья, слегка сползшие с плеч, только усиливали это ощущение опасности и уязвимости, которое сводило Наташу с ума.

Они стояли так несколько мгновений, их взгляды скрестились, как клинки, и воздух между ними, казалось, искрился от напряжения. Наташа чувствовала, как её сердце стучит в груди, как её кожа горит под тканью платья, как её тело хочет двигаться вперёд, сократить это расстояние, но её разум держал её на месте. Она знала, что это не просто игра власти. Это было что-то глубже, что-то, что могло разрушить их обоих, если они не будут осторожны.

Зал БДСМ клуба, в котором они находились, был как аномалия из мира Стругацких – место, вырванное из реальности, где законы обычного мира растворялись в тени. Стены, покрытые тёмным бархатом, поглощали свет, создавая ощущение, что ты находишься внутри некоего организма, живого и пульсирующего. Красные занавеси, тяжёлые, как кровь, свисали с потолка, будто скрывая за собой тайны, которые не предназначены для глаз смертных. Стальные кольца, вделанные в потолок, казались артефактами из иного измерения, их холодный блеск контрастировал с жаром, который витал в воздухе. Пол, выложенный чёрным мрамором, отражал тусклый свет ламп, создавая иллюзию бездны под ногами, и каждый шаг отдавался эхом, как шёпот неведомого существа. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом кожи, металла и чего-то неуловимо тревожного, как будто само помещение знало, какие игры здесь будут разыгрываться, и молчало, ожидая своего часа.

– Ты чувствуешь это? – внезапно спросила Наташа, её го-

лос стал тише, но в нём звучала странная напряжённость. Она указала на зал, на его тёмные углы, где тени казались живыми. – Это место не просто клуб. Это, блядь, как чёрная дыра. Оно затягивает, и ты либо берёшь верх, либо оно сожрёт тебя. Ты готова к этому, Елена? Готова к тому, что оно может сломать тебя, даже если я не сделаю этого сама?

Елена посмотрела на зал, её глаза сузились, как будто она пыталась разглядеть что-то в этих тенях. Её кожа снова покрылась мурашками, и тонкие бретельки её белья, слегка сползшие, только подчёркивали её уязвимость в этот момент. – Я, сука, не боюсь теней, Наташа, – сказала она, но её голос дрогнул, выдавая, что она чувствует этот давящий вес, эту странную энергию, которая исходила от стен. – Но я вижу, что ты сама не так уверена, как хочешь казаться. Может, это ты боишься, что это место сожрёт тебя первой?

Её слова были как удар, острый и точный, и Наташа почувствовала, как жар поднимается к щекам, как её тело напрягается, как её собственные сомнения, которые она пыталась зарыть поглубже, поднимаются на поверхность. Она сжала плеть в руке, её пальцы задрожали, но она не отвела взгляд. – Ты, блядь, не знаешь, о чём говоришь, – огрызнулась она, но её голос был слабым, почти умоляющим. – Я построила это место. Я его хозяйка. И я, мать твою, не позволю ни тебе, ни этим стенам взять надо мной верх.

Елена шагнула ближе, их лица оказались на расстоянии дыхания, и Наташа почувствовала тепло её кожи, смешанное

с терпким ароматом её духов. Её грудь поднималась и опускалась под тонким кружевом белья, и этот образ – силы, смешанной с уязвимостью – вызвал в Наташе волну противоречивых чувств: желание, страх, гнев. – Посмотрим, Наташа, – прошептала Елена, её голос был мягким, но в нём звучала сталь. – Посмотрим, кто из нас сломается первым. Потому что я, сука, не сдаюсь без боя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.